

В ТЕМНОТЕ

В разбитую парадную дверь восьмизэтажного дома вошли старичок со старушкой. Столкнувшись с каким-то выходившим человеком, старичок спросил:

-- Скажи, батюшка, как пройти к швейцару бывшему Кузнецову?

-- Идите на пятый этаж, считайте снизу пятнадцатую дверь. Только по стенке правой стороны держитесь, а то огня по всей лестнице нет и перила сломаны.

-- Спасибо, батюшка. Старуха, не отставай. Права держи. О господи, батюшка, ну, и темень...

Некоторое время было молчание.

-- Да не лети ты так! Чего понесся, постой, говорю!

-- Что ты там?

-- Что... запуталась тут где-то...

-- Вот еще наказание. Говорил -- сиди дома. Куда нечистый в омут головой понес? Ой, мать, пресвятая богородица, и чем это они, окаянные, только лестницу поливают? Начал по дверям считать, поскользнулся и спутался. Вот и разбирайся теперь, сколько этажей прошли...

-- Да куда ты всеверху-то лезешь?

-- А ты думаешь, на пятый этаж взобраться все равно, что на печку влезть? Черт их возьми, нагородили каланчей каких-то, чисто на Ивана Великого лезешь. Что-то даже голубями запахло.

-- Ты смотри там наскрозь не пролезь.

-- Куда -- наскрозь? Ой, господи, головой во чтой-то уперся... Что за черт? Куда ж это меня угораздило?... Даже в пот ударило. Хоть бы один леший какой вышел. Прямо как вымерли все, окаянные...

Бывший швейцар, переселившийся из своего полуподвала в пятый этаж, сидел вечером пить чай, когда на лестнице послышался отдаленный крик. Через минуту крик повторился, но уже глуше и где-то дальше.

-- Кого это там черти душат? Выйди, узнай,-- сказала жена,-- еще с лестницы сорвется. Перила-то, почесть, все на топливо растаскали.

Швейцар нехотя вышел на лестницу.

-- О господи, батюшка,-- донеслось откуда-то сверху,-- уперся головой во чтой-то, а дальше ходу нет.

-- Да куда тебя нелегкая занесла! -- послышался другой голос значительно ближе.

-- Должно дюже высоко взял. Уперся головой в какой-то стеклянный потолок, а вниз ступить боюсь. Замерли ноги да шабаш. Уж на корячки сел, так пробую.

-- Кто там? Чего вас там черти носят? -- крикнул швейцар.

-- Голубчик, сведи отсюда! Заблудились тут в этой темноте кромешной. Стал спускаться, да куда-то попал и не разберусь: где нихватишь -- везде стены.

-- К кому вам надо-то?

-- К швейцару, к бывшему.

-- Да это ты, что ли, Иван Митрич?

-- Я, батюшка, я! К тебе со старухой шел, да вот нечистый попутал, забрел куда-то и сам не пойму. Чуть вниз не чубурахнул. А старуха где-то ниже отбилась.

-- Я-то не отбилась. Это тебя нелегкая занесла на самую голубятню.

Швейцар сходил за спичками и осветил лестницу. Заблудшийся стоял на площадке лестницы, в нише, лицом к стене и шарил по ней руками.

-- Фу-ты, черт! Вон куда, оказывается, попал. Все правой стороны держался. Лестница-то вся обледенела, как хороший каток... того и гляди.

-- Воду носим,-- сказал швейцар,-- да признаться сказать, и плеснули еще вчера маленько, а то, что ни день, то какая-нибудь комиссия является,-- кого уплотнять, кого выселять. Тем и спасаемся.